

К ВОПРОСУ О НИЗВЕРЖЕНИИ ОДНОЙ ЗАПЯТОЙ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ОДНОЙ РЕПУТАЦИИ

Настоящая заметка (или, скорее, виньетка) посвящена всего одной запятой в одном из пушкинских планов так и не написанного им «<Романа на Кавказских водах>» — да к тому же запятой не пушкинской. И все же, как кажется, эта запятая заслуживает обсуждения, поскольку от нее зависит посмертная репутация вполне почтенного человека.

Итак, в наиболее развернутом из семи сохранившихся планов кавказского романа ПД 271 (в том виде, в каком он был в 1928 году впервые опубликован Н. В. Измайловым и как затем печатался во всех изданиях) при перечислении тех, «кто живет на Кавказе», упоминается, по утверждению Измайлова супружеская пара — «генерал-баба» и «генеральша Мерлина» — между генералом и генеральшей стоит запятая, а в комментарии поясняется: «“Генерал-баба” II плана — несомненно, муж Ек<атерины> Ив<ановны>, генерал-майор Мерлини — и таким он мог, конечно, казаться рядом со своею мужественною супругою».¹ Однако если посмотреть на пушкинский автограф, то никакой запятой после «генерала-бабы» в нем нет. Более того, изначально в плане упоминается просто «генеральша Мерлина», а затем перед этими словами делается знак вставки и над строкой вписывается «генерал-баба». Вообще в ПД 271 генерал не упоминается ни разу² — речь идет только о генеральше. Кажется логичным предположить, что определение «генерал-баба», вписанное перед ее именем, относится именно к ней. Собственно, уже Измайлов привел отрывки из воспоминаний Н. П. Раевского и Г. И. Филипсона, характеризующие Екатерину Ивановну Мерлину вполне в соответствии с этим определением. Фрагмент воспоминаний Филипсона, хотя и относящийся к более позднему времени (после 1835 г.), приведу и я, поскольку он рисует весьма колоритную картину: «Из первых на тревогу явилась известная в то время генеральша Мерлина, верхом, по-казацки, с шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Федорову (артиллеристу гарнизона. — Т. К.). Наконец, открыли огонь ядрами. Тут наездница выказала замечательные тактические соображения. Она закричала на Федорова: “Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валияй картечью”. Старик сказал: “Слушаю, матушка,

¹ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах»: Невыполненный замысел Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 87.

² В другом плане, ПД 273, «Генерал Мер<лини> с женой» упоминаются дважды (VIII, 966).

ваше превосходительство”; но выстрелов гранатами не последовало, горцы были уже далеко».³

Другие мемуаристы, также упоминающие героическую роль генеральши в защите Кисловодска, кроме того, вспоминают, что генеральша всегда ездила верхом в мужском седле и мужском платье и отличалась оригинальностью поведения.⁴ Отчасти это напоминает манеру поведения другой известной женщины того времени, вошедшей в историю как «кавалерист-девица» (словосочетание грамматически аналогичное «генерал-бабе»), Н. А. Дуровой. В момент написания планов «<Романа на Кавказских водах>» Пушкин еще не был знаком с Дуровой, но именно на Кавказе он тесно общался с ее братом В. А. Дуровым,⁵ так что не исключено, что и это именование в тот момент было у него на слуху.

Так или иначе, Национальный корпус русского языка⁶ за время до конца 1830-х годов дает сравнительно немного комбинаций, составленных по принципу: существительное мужского рода, дефис, слово, обозначающее женщину («-баба», «-девка», «-девица», «-дама» и т. п.), — и все они относятся к характеристике женщины, которая либо действительно является «атаманом», «кавалеристом» или «гусаром», либо уподобляется «жиду» или «черту», но не к мужчине, уподобляемому «бабе» или «девке»:

Не подивись, приятель, если услышишь нечто новое: я тот, который без малого за год пред сим имел честь самолично видеть твое искусство, с каковым ты в одну ночь в сем же лесу перевязывал рану на руке атамана-девки. (В. Т. Нарезный, «Гаркуша, малороссийский разбойник», 1825);

³ Русский архив. 1883. № 5. С. 173–174.

⁴ См.: *Раевский Н. П.* Рассказ о дуэли Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 415, 612; *Шан-Гирей Э. А.* Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове // Нива. 1885. № 27. С. 643. Судя по воспоминаниям того же Раевского, для Кавказа того времени такое поведение было не столь удивительно, как может показаться: «Была и слободка по сю сторону Подкумка, замечательная тем, что там, что ни баба — то капитанша. Баба — мужик мужиком, а чуть что: “Я капитанша!” Так мы и называли эту слободку “слободкой капитанш”» (*Раевский Н. П.* Рассказ о дуэли Лермонтова. С. 412). Впрочем, не исключено, что речь здесь идет не о «мужском» облике и типе поведения капитанш («мужик мужиком»), а о социальном статусе, — женщины, по своему внешнему виду принадлежащие к простому народу («мужикам»), указывали на свое дворянство, которое давал капитанский чин. За последнее уточнение, как и за ряд других замечаний, благодарю В. В. Лапина.

⁵ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 87; *Пушкин М. И.* Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 96.

⁶ <https://ruscorpora.ru/>

Такая у нас жид-барыня: коли день кого не поколотит, так к вечеру рада на стену лезть; и тут не попадайся никто на глаза. (М. П. Погодин, «Невеста на ярмарке», 1827—1832);

...голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! Чорт-баба!» (Н. В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством», 1831—1832);

Правда, что и мои однополчанки не пропускают случая привести меня в краску, называя в шутку: цусар-девка! <...> «Тонкий стан, — отвечают они, — маленькие ноги и румянец, какой каждая из нас охотно желала бы иметь; поэтому мы и называем вас цусаром-девицею и — с позволения вашего — несколько и подозреваем, не по справедливости ли даем вам это название!» (Н. А. Дурова, «Кавалерист-девица», 1835).⁷

В конце XIX века появляется и «генерал-баба»: «Иван Павлович остолбенел. — Ну, генерал-баба! — ворчал он про себя, через несколько минут, надевая в передней пальто» (Н. Э. Гейнце. «В тине адвокатуры», 1893 — речь идет именно о женщине).

Нельзя сказать, чтобы бранное уподобление мужчины «бабе» не было в ходу, но оно всегда грамматически оформлялось именно как уподобление (ср.: «Но итальянцы — настоящие бабы» — О. И. Сенковский. «Большой выход у Сатаны» (1832); «А на что ему таких трусов, таких баб, как ты!» — М. Ю. Лермонтов, «Вадим», 1833—1834, и др.).

Единственный случай, когда, казалось бы, мы имеем дело с идентичным «генералу-бабе», явно уничижительным обозначением мужчины (хотя и без дефиса), — это агитационная песня К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Царь наш — немец русский», где есть слова:

Князь Волконский баба
Начальником штаба. <...>
А другая баба
Губернатор в Або.⁸

Однако это тот случай, когда смысл стихов, если в него вникнуть, ставит читателя в тупик: речь идет о П. М. Волконском (начальнике и фактическом создателе Генерального штаба) и А. А. Закревском (назначенном в 1823 году финляндским генерал-губернатором со ставкой в Або) — двух боевых генералах, героях войны 1812 года,

⁷ Здесь случай особый, поскольку речь идет о подозрениях, не девушка ли на самом деле гусар, — и, как мы знаем, подозрения эти не безосновательны. Однако это в любом случае не бранное или уничижительное уподобление воина «девке».

⁸ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 257 («Б-ка поэта». Большая сер.).

награжденных крестом и золотой саблей за храбрость. П. М. Волконский, как известно, стал одним из прототипов князя Андрея Болконского — в сражении при Аустерлице он подхватил брошенное знамя и развернул бежавших солдат, трижды вел их в атаку и отбил два орудия. С Закревским дружески переписывался А. П. Ермолов, обращаясь к нему как к своему, — для Ермолова было важно, что Закревский, получивший чины в бою, способен правильно понять военные проблемы.⁹ В послевоенные годы и Волконский, и Закревский составляли оппозицию Аракчееву, как боевые генералы, которым чуждо увлечение плащом (это противостояние вызвало отсылку Закревского в Финляндию и вскоре за тем последовавшую отставку Волконского).¹⁰ Оба храбрых воина очень плохо вписываются в определение «баба». Разумеется, нельзя исключать, что это слово здесь использовано просто как брань, которая, с точки зрения авторов, понятна простому солдату, на которого рассчитан текст, и способна вызвать презрение. Однако адресаты именно для этой брани выбраны слишком неудачно, чтобы не попытаться поискать другой смысл стихов. И, как кажется, он находится в истории о «власти женщин», о которой применительно к промежутку между 1812 и 1825 годами писал еще Тынянов.¹¹ Не исключено, что стихи намекают на то, что за каждым из храбрых генералов стоит женщина, управляющая им и его должностью. Такие женщины у обоих были. Любовница Волконского, вдова Прасковья Николаевна Жеребцова (урожд. Толстая; 1789—1867), с которой он прожил много лет, была известна тем, что за ней увивались карьеристы, которым она помогала (по некоторым утверждениям, не всегда бескорыстно) добиваться через Волконского чинов.¹² Аграфена Федоровна Закревская (урожд. гр. Толстая;

⁹ См.: Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. СПб., 2014.

¹⁰ См.: Елисеєва О. И. «Не я нужен службе, служба — мне»: Переход русской военной элиты на гражданскую службу после Наполеоновских войн // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 48.

¹¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 375—377; см. также: Елисеєва О. И. «Не я нужен службе, служба — мне». С. 37—38.

¹² См., например: «Торг этот существует издавна, и даже при князе Петре Михайловиче Волконском, который при всех своих пороках был человеком вполне бескорыстным, лица, имевшие на него влияние, торговали придворными чинами. Андрей Иванович Сабуров, например, купил в 1851 году чин гофмейстера, заплатив двадцать тысяч рублей серебром Жеребцовой, любовнице старика Волконского» (Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 145—146). Разумеется, читая и цитируя мемуары Долгорукова, надо принимать во внимание их памфлетную заостренность, не всегда способствующую документальной точности, но сам факт подобных историй про Жеребцову, как кажется, показателен.

1799—1879), «медная Венера», царившая в петербургских и европейских салонах, богатая красавица, выданная в 18 лет за бедного и страдавшего от контузии 35-летнего героя-генерала Закревского по ходатайству Александра I,¹³ также, по-видимому, имела большое влияние на мужа. Не они ли были теми «бабами»: одна — начальником штаба, а другая — комендантом в Або?

На тексте агитационной песни Рылеева и Бестужева пришлось остановиться подробнее не только потому, что это единственный близкий по времени случай сходного употребления грамматической формы «некто = баба», но и потому, что Пушкину песня была хорошо известна и входила в его активный словарь,¹⁴ что могло бы служить аргументом в пользу мнения Измайлова. Если высказанное здесь предположение относительно смысла указанных стихов агитационной песни верно, то этот аргумент начинает работать скорее в пользу версии о генерал-бабе Мерлиной.

Возвращаясь к генеральше и ее распоряжениям в Кисловодске, невозможно не вспомнить еще об одной пушкинской героине, капитанше Мироновой, распорядившейся в крепости и вершившей суд: «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр Андренч! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан» (VIII, 304). Трудно сказать, была ли у Пушкина, когда он создавал образ комендантши, мысль о колоритной генеральше, с которой он то ли был знаком на Кавказе, то ли лишь слышал о ней,¹⁵ — но что можно сказать определенно, так это то, что и рядом со своей Василисой Егоровной («бабой не робкого десятка» — VIII, 298) добрый Иван Кузмич отнюдь не выглядит «бабой».

А что же генерал Мерлини?¹⁶ О нем известно относительно немного, однако мы знаем, что он участвовал в кампании 1805—1807 годов, получил (по-видимому, за нее) ордена св. Анны 3-й и св. Владимира 4-й

¹³ См.: Елисеєва О. И. «Не я нужен службе, служба — мне». С. 36—37.

¹⁴ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 511 («Литературные памятники»).

¹⁵ М. И. Пущин, сопровождавший Пушкина в его второй поездке на воды в 1829 году, в опубликованном А. Е. Розеном фрагменте записок упоминает, что в Горячеводске «познакомился с генералом Мерлиным и с оригинальной его супругой Екатериной Ивановной» (Розен А. Е. Декабристы на Кавказе // Русская старина. 1884. № 2. С. 336), что дало основание предполагать и вероятность знакомства с ними Пушкина (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 260).

¹⁶ Станислав Демьянович Мерлини (1775—1833), с 1806 года полковник, с 30 августа 1816 года генерал-майор, с 25 июня 1829 года — генерал-лейтенант.

степени и чин полковника,¹⁷ а с 1810 года служил на Кавказе, занимая пост шефа Белевского пехотного полка, участвовал в покорении Имеретии и успешно распоряжался в ней, за что правитель Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии генерал-майор Ф. Ф. Симанович в рапорте главнокомандующему в Грузии генералу от инфантерии Н. Ф. Ртищеву от 24 декабря 1814 года настоятельно рекомендовал представить его к награде. Симанович писал, что Мерлини «сверх настоящей своей обязанности по званию шефа, управляет по делам в Имеретии с возможною благоуспешностью <...> особенные же труды и заслуги свои показал он при прекращении чумы, возникшей было в 1812 году в кр<епоستي> Поти, которая по благоразумным его распоряжениям весьма скоро там прекращена; а затем, по отправлении моем в Тифлис, когда начал он командовать в Имеретии, равно же скоро много способствовал к скорому ее прекращению принятием строгих и приличных мер осторожности, а по случаю существовавших в то же время повсеместно в Имеретии повальных болезней, тяжко испытал он на себе действие оных. Сверх сего по его, яко местного отрядного начальника, распоряжению взята почти без кровопролития, в декабре месяце 1812 года, крепостца Бедиа и прогнаны из Абхазии турки, пришедшие для поддержания собиравшихся бунтовать абхазцев».¹⁸ Из дальнейших рапортов (в том числе собственного рапорта Мерлини от 9 февраля 1816 года) ясно, что он вел и судебные дела, советуясь с местными судьями («мдиван-бегами») и соотнося российские законы с грузинскими, — и делал это, судя по всему, довольно успешно.¹⁹ В отличие от Симановича, неизменно высоко оценивавшего деятельность Мерлини, Ермолов, в 1816 году сменивший на посту грузинского главнокомандующего Ртищева, сразу невзлюбил нашего героя, отзывался о нем крайне негативно, и, по-видимому, в период правления Ермолова Мерлини впал в немилость.²⁰ Здесь не могу

¹⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 481.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 487—488. Понятно, что и борьба с эпидемией чумы (то есть введение карантинных мер), и разрешение тяжб, происходящие на лишь недавно завоеванной территории, — дело отнюдь не безопасное, и, похоже, Мерлини удавалось делать это, не вызывая сильных возмущений и без кровопролития.

²⁰ См. письмо Ермолова к А. А. Закревскому от 19 февраля 1817 года: «Мерлини — дрянное существо, ни на что для службы не надобное <...>. Я делаю представление, коим Мерлини лишается бригады. Что за снисхождение к дряни. Ее так много, что нельзя опасаться всея перевести, а надобно когда-нибудь начать» (Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. С. 53). Характерная деталь: Мерлини многократно упоминается в 4, 5 и 7-м томах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», но в обеих частях 6-го тома, посвященных времени Ермолова, его имя не встречается ни разу.

избежать искушения немного пофантазировать о причинах неприязни нового начальника. Ермолову, возмущенному «попустительством» своих предшественников в отношении местного населения, считавшему, «что нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях»,²¹ и, пусть и с изрядной долей сарказма, писавшему: «Начальнику нет другого средства к поправлению (нравов в войске. — Т. К.), как просить судьбу о чуме. Она часто посещает край сей, но предместники мои не умели воспользоваться благотворительным ее действием. Я постараюсь обратить ее в пользу»,²² — едва ли было по пути с человеком, приложившим много сил для согласования российских судебных решений на Кавказе с местными обычаями и для борьбы с распространением чумы. Но в том же самом письме, где идет речь о чуме и лишении Мерлини бригады, сразу за этим следует характерный для Ермолова пассаж: «...представляю я Загорского в бригадные командиры. Свидетельствуюсь Богом, что он дурак, но по крайней мере за него ходатайствует долговременное служение, и как человек, на которого навел я ужасный страх, он будет слепой исполнитель воли. Здесь полезно завести институт подобных слепых, и будет!»²³ Возникает подозрение, что на Мерлини Ермолову не удалось «навести ужасный страх» и сделать «слепым исполнителем» своей воли. Вновь получить бригаду Мерлини смог лишь в 1821 году (возможно, по следам усмирения бунта, случившегося в Имеретии в 1819—1820 годах). В том же 1821 году он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени,²⁴ что говорит о признании его личного мужества, а в 1826—1827 годах принимал участие в персидской кампании.

Как кажется, даже эти довольно случайные и отрывочные сведения, никак не претендующие на полноту биографии (ее составление — дело историков Кавказской войны), дают некоторые основания очистить посмертную репутацию Станислава Демьяновича Мерлини от мало почетного для боевого офицера титула «генерала-бабы», оставив этот (для нее вполне почетный) титул мужественной генеральше и изгнав предательскую редакторскую запятую из пушкинского текста.

Т. А. Китанина

²¹ Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. С. 679.

²² Там же. С. 52—53. Заметим, что эти слова сказаны в том же письме, где идет речь о Мерлини.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Степанов В. С., Григорович П. И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. (1769—1869). СПб., 1869. № 3538.